

А.Б. Бодэ

**ДРЕВНИЕ МОСКОВСКИЕ
И НОВГОРОДСКИЕ КОРНИ
В ДЕРЕВЯННОМ
ХРАМОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ
РУССКОГО СЕВЕРА**



ББК 85.113

УДК 72.03

Б 75



*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации
и рекламы города Москвы*

Рецензент: доктор архитектуры, профессор *И.А. Бондаренко*

Бодэ А.Б.

Б 75 Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера. – М.: Прогресс-Традиция, 2019. – 596 с., ил.

ISBN 978-5-89826-579-3

Книга представляет результаты исследования традиций в деревянном храмовом зодчестве, присущих разным территориям Русского Севера. Изучение ареалов архитектурных традиций и изменений форм в зависимости от времени и места строительства, аналогии с каменным зодчеством и выявление тенденций формообразования позволили сделать вывод о том, что в развитии деревянного церковного зодчества Русского Севера явно присутствуют древние новгородские и московские истоки. В XVI–XVIII веках отголоски новгородских влияний постепенно угасали, а московские, напротив, все больше распространялись, становились основой для развития многих местных традиций и в целом формировали общерусскую архитектуру.

УДК 72.03

ББК 85.113

На переплете: Церковь из Псковского устава XII века. Прорисовка автора

ISBN 978-5-89826-579-3

© А.Б. Бодэ, текст, иллюстрации, 2019

© И.В. Орлова, оформление, 2019

© Прогресс-Традиция, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

8 Введение

глава I.

СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЯХ

- 25 Археологические находки древнерусских деревянных церквей
- 42 Графические изображения и описания деревянных церквей

глава II.

ОТГОЛОСКИ ДРЕВНИХ НОВГОРОДСКИХ ТРАДИЦИЙ

- 75 Каскадные покрытия церквей и часовен
- 108 Крещатые восьмискатные покрытия церквей
- 137 Фронтонные пояса на основных срубах шатровых церквей
- 172 Простые двухскатные покрытия церквей

глава III.

ОТГОЛОСКИ МОСКОВСКИХ ТРАДИЦИЙ

- 217 Клинчатые с полицами покрытия церквей и часовен
- 247 Покрытия церквей и часовен бочкой
- 283 Покрытия церквей и часовен крещатой бочкой

глава IV.

МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ, СФОРМИРОВАВШИЕСЯ НА ОСНОВЕ МОСКОВСКИХ ВЛИЯНИЙ

- 327 Декоративные кокошники на основных срубах шатровых церквей и колоколен
- 358 Кубоватые покрытия церквей
- 392 Луковицеобразные восьмигранные одноглавые завершения церквей

глава V.

СОПОСТАВЛЕНИЯ И ОБОБЩЕНИЯ

- 433 Тенденции формообразования
- 454 Взаимодействие новгородских и московских традиций

470 Заключение

476 Библиография

495 Список сокращений

ВВЕДЕНИЕ

Традиционное деревянное зодчество составляет яркую и оригинальную часть отечественной культуры. Среди разных по назначению и устройству деревянных построек наибольшим богатством архитектурных форм и сложностью конструктивных решений отличаются храмы. Однако в истории деревянного церковного строительства в силу недолговечности материала отчетливо прослеживается лишь относительно поздний период. Большинство сохранившихся и известных традиционных деревянных церквей относится преимущественно к XVII–XVIII вв., лишь немногие из них – к XVI в. и более раннему времени. В основном они сосредоточены в севернорусских областях, то есть даже на период XVII–XVIII вв. мы имеем представление о деревянном храмовом строительстве не в масштабе всей страны, а только на ее северных окраинах. Развитие деревянного церковного зодчества на древнейших этапах тем более представляется во многом непонятным и неопределенным.

В настоящей работе, направленной на изучение местных храмостроительных традиций, процессы и явления в развитии деревянного зодчества рассматриваются в контексте истории освоения Севера с учетом направлений основных торговых путей и связей с разными центрами, существовавшими в разные периоды.

Культура Русского Севера по своим истокам неоднородна, поскольку ее формировали два основных колонизационных потока – новгородский и среднерусский (московский). Активные торговые связи создавали благоприятные условия для распространения культурных традиций. Начало колонизации Севера восходит к XI–XII вв. В период раздробленности Руси северные земли в основном находились во владениях Новгорода, отдельные его

части принадлежали среднерусским княжествам. В XIII–XV вв. все территории Русского Севера были соединены основным торговым путем, проходившим от Новгорода с запада на восток, через волоки из одной водной системы в другую. Это период, когда новгородские влияния на культуру Русского Севера были наиболее сильными.

После объединения русских земель под властью Москвы древний новгородский торговый путь утратил былое значение, и приоритетными стали радиальные по отношению к новому центру направления – пути к Белому морю через Белое озеро по Онеге и по Сухоне – Северной Двине. Они как бы перерезали древний новгородский путь. Один из самых активных периодов в жизни Русского Севера приходится на XVI–XVII вв. Сначала освоение Поморья, вновь присоединенного к Московскому государству, торговля поморской солью и продуктами морских промыслов, затем развитие международной торговли через Белое море определяли значимость Севера в экономической жизни страны. В XVIII в. после открытия выхода в Балтийское море контакты северных губерний с центром страны становятся менее оживленными, развитие края замедляется, что способствовало сохранению и саморазвитию ранее привнесенных и укоренившихся архитектурных традиций.

Разнообразие местных традиций предопределено самой географией Севера. Бассейны крупнейших рек образовывали относительно обособленные, значительные по величине территории со своим сложившимся жизненным укладом, природными и хозяйственными условиями. Основные из них – это Обонежье (район Онежского озера), Поонежье, Северодвинское поречье, Поважье, Пинежско-Мезенский край. Деревянные храмы XVII–XVIII вв. на этих территориях, имея принципиально общую структуру планов, одинаковую компоновку помещений и идентичную форму основного сруба, отличаются самыми разнообразными завершениями.

К традициям Обонежья относится ряд замечательных церквей с многоглавыми пирамидальными завершениями. Для шатровых церквей южного и западного Обонежья и Посвирья характерно устройство промежуточных повалов и фронтонных поясов, что придавало основному объему здания очень выразительный и не-



Георгиевская церковь начала XVI в. в селе Юсковичи – одна из древнейших русских деревянных церквей



Церковь из села Билуково, перевезенная в Плёс, – характерный пример среднерусского клетского храма с островерхим двухскатным покрытием

обычный силуэт. На Онеге и отчасти в Поморье получило распространение строительство церквей с кубоватым покрытием, увенчанным пятиглавием. Колокольни нижней Онеги обладали характерной структурой основания, состоящего из восьмерика на высоком четверике с декоративными кокошниками. Для Поважья и района среднего течения Двины характерны церкви с луковичеобразным восьмигранным покрытием, завершенным одной главой. В Пинежско-Мезенском крае преобладали церкви с завершением в виде шатра на крещатой бочке. Это наиболее значительные и яркие особенности, распространение которых охватывало достаточно большие территории. Существовало еще много меньших по масштабу традиций, не столь заметных, в своей совокупности составлявших многообразную палитру приемов и форм русского деревянного зодчества.

Традиции в деревянном зодчестве обладали особой устойчивостью. Пример тому – развитие деревянного зодчества Севера в течение всего XVIII в., происходившее практически независимо от стилей,



Успенская церковь из села Курицко, перевезенная в музей «Витославицы», имеет в своей архитектуре архаичные черты, свойственные северо-западным землям

господствовавших в архитектуре Нового времени. В этот период севернорусские деревянные храмы в большинстве своем воспроизвели выработанные ранее архитектурные решения, а новые композиции образованы полностью на основе форм, восходящих к предшествующему столетию. Важное свойство традиционного деревянного зодчества – преемственность развития. На этом базируются многие выводы настоящей работы. Особенности развития деревянного зодчества разными исследователями виделись несколько по-разному, но преемственность традиций признается всеми¹. Традиционная народная культура, включая фольклор, декоративно-прикладное искусство, вообще в значительной степени консервативна.

Длительное сохранение древних традиций на Русском Севере определялось различными обстоятельствами. «Свобода и глушь» – так объяснял собиратель былин А.Ф. Гильфердинг расцвет эпической поэзии в отдаленных уголках Севера. Действительно, сво-

бода крестьянства от крепостной зависимости, а в XVIII–XIX вв. отдаленность от основных очагов общественной и экономической активности и как следствие замедленность новых влияний были очень существенными факторами, способствовавшими устойчивости старинного жизненного уклада и культурных традиций. Согласно исследованиям В.П. Орфинского, сохранение и преемственное развитие традиций в народном зодчестве связаны также с этнической неоднородностью Севера².

Многообразие местных традиций в деревянном зодчестве Русского Севера, очевидно, имеет глубокие корни, их длительное устойчивое сохранение объясняется множественными причинами. Консерватизм народной культуры позволяет предполагать в деревянном зодчестве Севера наличие достаточно глубинных пластов, восходящих к древнему Новгороду, и уж тем более традиций, сформировавшихся в связи с московскими влияниями.

Вопрос о возможности выявления в деревянном зодчестве Севера древних истоков, связанных с основными направлениями освоения и заселения региона, долгое время оставался вне сферы внимания исследователей. Мы ничего не знаем об особенностях деревянного зодчества разрозненных русских земель, тогда как каменная архитектура периода раздробленности свидетельствует о существовании школ со своими ярко выраженными особенностями. По аналогии с развитием каменного зодчества можно предполагать, что и деревянные постройки отдельных земель обладали местными особенностями.

Русскому деревянному зодчеству посвящено достаточно много исследований. Фундаментальные обобщающие работы принадлежат И.Э. Грабарю, М.В. Красовскому, П.Н. Максиму, А.В. Ополовникову, В.П. Орфинскому, Ю.С. Ушакову. Разделы, посвященные церквям, занимают в них наибольшее место.

На начальном этапе изучения традиционного деревянного зодчества основной задачей были фиксация памятников и сбор сведений о них. Первыми исследователями были Л.В. Даль, А.М. Павлинов, затем В.В. Суслов. Русский Север и его традиционная культура в начале XX в. привлекали внимание многих художников, архитекторов, исследователей и реставраторов. Сре-



Преображенская церковь и колокольня в селе Турчасово на Онеге – один из наиболее выдающихся храмовых комплексов на Севере, архитектура которого ярко воплощает традиции Поонежья

ди них были И.Я. Билибин, А.А. Бобринский, М.Б. Едемский, Ф.А. Каликин, А.А. Каретников, Д.В. Милеев, С.С. Некрасов, В.А. Плотников, Н.А. Шабунин и другие. В это время был собран значительный массив материала по памятникам деревянного зодчества. Выделяются обобщающие работы И.Э. Грабаря и М.В. Красовского. В них были сделаны первые попытки систематизации церковных построек, которые группировались по типологическим признакам, попутно отмечались территории распространения некоторых приемов и форм. На своеобразии местных традиций специально внимание не заострялось. Деревянное зодчество Севера в основном воспринималось как единое художественное целое.

Этот взгляд по большей части преобладал в работах первой половины XX в. В советское довоенное время для изучения народного деревянного зодчества были организованы экспедиции



Храмовый комплекс в селе Малошуйка, включающий древнюю Никольскую церковь, отражает архитектурные традиции Поморья

под руководством К.К. Романова, Д.А. Золотарева, Ф.М. Морозова, П.Д. Барановского. Итоговой работой, отражающей степень изученности и обобщающей накопленные сведения по деревянному зодчеству, стала книга С. Забелло, В. Иванова и П. Максимова, изданная в 1942 г. В этой книге весьма многочисленные деревянные храмы Севера представлены, по сути, в виде каталога с развернутыми аннотациями. Во время войны, в 1940-х гг., финским исследователем Л. Петтерсоном был собран большой материал по церквям и часовням Карелии, позднее опубликованный. Работы Л. Петтерсона отличают попытки систематизации объектов и осмысление вопросов эволюции.

Послевоенное время характеризуется начавшимися многочисленными реставрациями памятников деревянного зодчества, сопровождавшимися изучением их строительной истории и архитектуры. Наиболее выдающимися реставраторами того времени были Б.В. Гнедовский, А.В. Ополовников, Л.Е. Красноречьев, запечатлевшие накопленный практический опыт в своих публика-

циях. Дальнейшее углубленное изучение деревянного зодчества позволило выявить и отчетливо осознать многообразие его местных направлений, как в гражданских, так и в церковных постройках. Изучению региональных традиций, в том числе в церковном зодчестве, посвящены работы Г.В. Алфёровой, Е.А. Ащепкова, С.Н. Баландина, Е.Н. Бубнова, Т.И. Вахрамеевой, А.А. Галашевича, С.Я. Забелло, Н.П. Крадина, В.А. Крохина, И.Н. Шургина и других. Работы указанных авторов, весьма обстоятельные и углубленные, всё же носят характер локальных исследований, не претендующих на обобщение и осмысление масштаба региональных традиций и их взаимосвязей.

Детальное изучение особенностей народного зодчества Карелии получило развитие в работах В.П. Орфинского, которые отличаются комплексным этноархитектуроведческим подходом. В результате этих исследований было выявлено, что формообразование и местные предпочтения в карельском народном зодчестве тесным образом связаны с этнокультурными взаимодействиями. Рассматриваемые исследователем процессы и закономерности в развитии народного зодчества Карелии имели место и на сопредельных территориях Русского Севера и, кроме того, не только в архитектуре, но и в иных видах народного искусства.

Вопросам классификации и эволюции деревянного зодчества в работах В.П. Орфинского уделяется значительное внимание. Важнейшим результатом его научно-исследовательской деятельности стала разработка совместно с И.Е. Гришиной типологии деревянного культового зодчества³. Данное фундаментальное исследование, позволившее систематизировать практически все известные архитектурные решения, стало своего рода моделью традиционного деревянного зодчества, отражающей основные тенденции формообразования, и одновременно инструментом для его изучения. Региональным особенностям и традициям в этой книге уделено ограниченное внимание, поскольку их изучение не входило в задачи работы.

Существенный вклад в изучение деревянного церковного зодчества внесли также С.Л. Агафонов, Е.В. Вахрамеев, В.Ф. Гуляев, В.А. Гущина, А.И. Давыдов, Б.П. Зайцев, Е.Б. Заручевская,

М.И. Коляда, Г.А. Кутькова, Л.М. Лисенко, Н.П. Лютикова, И.В. Маковецкий, А.П. Мальцев, П.П. Медведев, А.В. Попов, В.А. Попов, К.Ю. Савандер, Н.Н. Уткин, Б.Н. Фёдоров, Е.В. Ходаковский, А.А. Шенников, А.Т. Яскеляйнен и другие. Их работы представляют собой исследования отдельных памятников, групп объектов, связанных единой территорией или традицией, их архитектурно-конструктивных особенностей, вопросов эволюции. Их дополняют работы современных молодых исследователей А.В. Бокарёва, А.Ю. Борисова, И.В. Воеводина, О.А. Зининой, А.Ю. Косенкова, А.Г. Носковой, А.В. Орлова, С.А. Пиляка, А.А. Терентьевой, З.А. Тодоровой. Все эти исследования в своей совокупности позволяют глубже понять региональные особенности, специфику и характер развития традиционного деревянного зодчества.

Деревянное церковное зодчество имеет много общего с архитектурой традиционного жилища. Углубленное изучение развития жилища отражено в исследованиях А.Е. Ащепкова, Е.Э. Бломквист, Г.В. Борисевича, Р.М. Габе, Г.Г. Громова, С.В. Дмитриевского, И.В. Маковецкого, О.Г. Севан, А.Б. Пермиловской, В.П. Орфинского, Р.Ф. Тароевой, А.С. Терёхина, А.А. Шенникова, И.Н. Шургина и других. Работы отмеченных авторов способствуют более полному осмыслению процессов, происходивших также в эволюции форм деревянных церковных построек.

Уточнение датировок деревянных церквей, выявление последовательности их реконструкций и ремонтов представлены в работах Е.Б. Заручевской, Г.А. Кутьковой, Н.П. Лютиковой, А.Г. Носковой, А.Т. Яскеляйнена и других. Важным направлением в изучении памятников деревянного зодчества, позволившим достоверно датировать многие объекты, стали дендрохронологические исследования, результаты которых опубликованы в работах М.В. Кистерной, В.А. Козлова, Н.Ф. Сергеевой, И.Н. Шургина.

Крайне ограниченный фактический материал по деревянной архитектуре наиболее раннего времени в определенной мере дополняется данными исторических письменных и графических источников, представленных в исследованиях З.В. Дмитриевой, М.И. Мильчика, М.В. Николаевой, Т. Сидоровой, И.А. и О.В. Черняковых и других.

Материалы археологических исследований, в которых имеются немногочисленные находки деревянных сооружений, содержатся в работах О.М. Иоаннисяна, А.Е. Леонтьева, М.В. Малевской, А.А. Песковой, М.А. Родионовой, М.А. Сагайдака, А.М. Салимова, Б.А. Тимощука, Б.П. Томенчука, Н.Н. Фараджевой, А.Н. Хохловой и других.

Осмысление развития русского зодчества на древнейших этапах и размышления о взаимовлиянии деревянной и каменной архитектуры представлены в работах исследователей разных лет А.Л. Баталова, И.А. Бондаренко, Н.И. Брунова, В.А. Булкина, И.Л. Бусевой-Давыдовой, И.В. Евдокимова, И.Е. Забелина, М.И. Ильина, О.М. Иоаннисяна, Г.Н. Логвина, П.Н. Максимова, А.И. Некрасова, В.П. Орфинского, С.С. Подъяпольского, П.А. Раппопорта, Ю.П. Спегальского и других. Отсутствие достоверных сведений по архитектуре древнейших деревянных храмов склоняет многих исследователей к мнению, что влияние было односторонним, хотя такое предположение вызывало и немало возражений.

Сопоставление исследуемых архитектурных решений деревянных построек с формами каменных церквей требует привлечения материалов по каменным новгородским и московским храмам периода, предшествовавшего объединению русских земель. Характерные особенности раннемосковского зодчества представлены в исследованиях В.И. Балдина, Г.М. Бочарова, Н.Н. Воронина, В.Н. Выголова, Б.А. Огнева. Архитектура каменных храмов Новгородской земли исследовалась в работах М.К. Каргера, Г.Я. Мокеева, Вл.В. Седова, Ю.П. Спегальского, Г.М. Штендера. Влияния архитектурных традиций стран Балтики на каменное зодчество древнего Новгорода, выявленные в исследованиях М.П. Кудрявцева, П.Н. Максимова, Вл.В. Седова, наводят на мысль о том, что подобные влияния или взаимовлияния могли быть и в деревянном строительстве.

Определенные формы деревянных храмов, характерные для зодчества Новгородской земли, впервые были обозначены автором данной книги⁴. Далее последовала попытка более подробного рассмотрения некоторых приемов и форм деревянных церквей и часовен XVI–XVIII вв., распространение которых связывалось с пери-

одом самостоятельности Новгорода. Основанием для этого послужило сопоставление ареалов распространения различных завершений деревянных церквей с территорией бывшей Новгородской земли, а также изменения в архитектурных решениях в зависимости от удаленности от Новгорода и времени постройки объектов⁵. В работе автора, посвященной деревянному церковному зодчеству Поонежья, одним из выводов стало убеждение, что формирование характерных особенностей деревянного зодчества Поонежья связано с взаимодействием древних новгородских и пришедших им на смену московских традиций⁶.

На тенденциях формообразования, связанных с западными (новгородскими) и восточными (московскими) влияниями, заострял внимание В.П. Орфинский, рассматривая эти явления на примере построек Обонежья. Увеличение высоты церквей за счет шатрового завершения, связывавшееся с московскими традициями, в Обонежье встретило альтернативную тенденцию к повышению срубного основания. Последняя, по мнению исследователя, относится к отголоскам храмостроительных традиций древнего Новгорода, адаптированным в прибалтийско-финской среде⁷. Как синтез восточной (московской) и западной (новгородской) традиций рассматривались архитектурные решения ярусно-многоглавых церквей Обонежья⁸. В.П. Орфинским также выявлены различия в характере покрытия шатровых завершений деревянных церквей, соответствующие северо-восточным и северо-западным влияниям⁹.

Ареальные исследования освоения Севера и распространения русской культуры проводились в рамках различных научных дисциплин Т.А. Бернштам, М.В. Витовым, И.В. Власовой, С.И. Дмитриевой, Т.Г. Ивановой и другими. На основании сопоставления данных этнографии, топонимии, антропологии М.В. Витовым на территории Севера определены две зоны – западная и восточная, заселенные соответственно выходцами из Новгорода и Приладожья и из верхневолжских княжеств¹⁰. С расселением на Севере выходцев из Новгорода связывалось распространение былинной традиции. Это предположение впервые было высказано В.Ф. Миллером в конце XIX в.¹¹, поддержано М.В. Вито-

вым и нашло подтверждение в исследованиях С.И. Дмитриевой. По результатам анализа ареала былинной традиции и сопоставления с антропологическими, этнографическими и диалектологическими данными С.И. Дмитриева пришла к заключению, что распространение былин на Русском Севере следует связывать только с новгородскими переселенцами. Отсутствие былинной традиции в Онежско-Двинском ареале объясняется тем, что здесь поздний поток колонизации из среднерусских земель перекрыл более ранний новгородский¹². Согласно другой гипотезе, предложенной Т.Г. Ивановой, устойчивость былин связана с обострением этнического самосознания русских в зонах соприкосновения с коренным населением Севера. На территориях, где местные этнические группы оказались полностью ассимилированы русскими, былинная традиция не сохранилась¹³.

Освоение и заселение Севера, распространение русской культуры, история погостов и поселений достаточно подробно освещены в работах историков М.М. Богословского, К.П. Гемп, М.К. Любавского, А.Н. Насонова, К.А. Неволлина, О.В. Овсянникова, А.В. Огорокова, В.А. Пигина, С.Д. Платонова, Е.Н. Селезнёвой, А.Н. Старицына, Н.И. Тормосовой, П.Ю. Черносвитова и других. При этом особенности исторического развития региона не рассматривались во взаимосвязи с развитием местных традиций в деревянном церковном зодчестве.

Таким образом, отдельные направления изучения древнейших архитектурных традиций в деревянном церковном зодчестве Севера, связанных с основными потоками освоения региона, определено намечены. Однако комплексных и систематических ареальных исследований местных севернорусских традиций, нацеленных на выявление их взаимосвязей и истоков, до сих пор не предпринималось. Настоящая работа стремится восполнить этот пробел.

Объектами исследования являются традиционные деревянные церковные постройки Русского Севера и частично прилежащих среднерусских областей. Под традиционными деревянными церквями подразумеваются постройки, выполненные в традиционных для дерева приемах и формах, возводившиеся до конца XVIII в. Церкви обладают архитектурными особенностями

ми, ареалы которых значительны и сопоставимы с территориями бывших новгородских и московских владений, их границами или направлениями древних торговых путей. Эти особенности нередко присутствуют и в архитектуре часовен, хотя здесь преобладают решения, свойственные в целом простейшим типам храмов независимо от местоположения объектов. Архитектура колоколен, как известно, во многом повторяет характеристики высотных храмов, и особенности, присущие последним, в какой-то мере получали отражение и в колокольнях. Поэтому в работе также рассматривается ряд часовен и колоколен, особенности которых сопоставимы с исследуемыми характерными чертами архитектуры церквей.

Рабочей гипотезой является предположение о том, что разнообразные формы севернорусских деревянных церквей, бытовавшие в рамках традиций XVII–XVIII вв., несут отголоски архитектурных решений, связанных с основными потоками освоения региона.

В задачи работы входит рассмотрение крупных традиций в деревянном церковном зодчестве, ареалы которых сопоставимы с водными системами или направлениями основных потоков освоения региона, сопоставительный анализ архитектурных решений в зависимости от местоположения и времени постройки объектов. Также анализируются изменения исследуемых приемов и форм, происходившие в обозримый период, выявляется и сравнивается время их исчезновения. В каждой традиции определяются типичные решения и их трансформации. Степень видоизменения форм в зависимости от местоположения объекта указывает на источник (центр) распространения традиции. Выявляются причины устойчивости древних традиций на определенных территориях. Исследуемые решения деревянных храмов сопоставляются с приемами и формами, характерными для каменной архитектуры. Однако не все они находят аналогии в камне, а только те, для которых характерна центрическая крещатая структура завершения. Выявляется историческая последовательность исследуемых архитектурных приемов и форм, определяются тенденции формообразования в рамках исследуемых традиций. Обосновываются предположения о характере

взаимодействия древних новгородских и московских (общерусских) храмостроительных традиций.

Методика основывается на картографировании ареалов исследуемых приемов и форм. Наряду с аналитическим подходом на каждом этапе исследования чрезвычайно важен метод обобщения. Именно этот метод позволяет представить картину развития деревянного храмового зодчества позднего Средневековья в целом, увидеть основные различия в развитии архитектурных форм в соответствии с историческими, географическими, этнокультурными и иными факторами.

Наиболее важными для работы источниками являются материалы собственных натурных обследований памятников (фотофиксации, зарисовки, обмеры), материалы обследований, выполненных предшествующими исследователями, исторические фотографии. Данная группа источников несет наиболее полную и достоверную информацию об архитектуре исследуемых построек. Старинные изображения деревянных культовых построек («архитектурные фоны» икон, рисунки, аксонометрические планы, гравюры) составляют менее достоверную группу источников, но в них прочитываются особенности и характер художественного мышления того времени, что помогает пониманию процессов архитектурного формообразования. Несомненный интерес для исследования представляют и письменные исторические источники, содержащие сведения по архитектуре и строительной истории деревянных храмов.

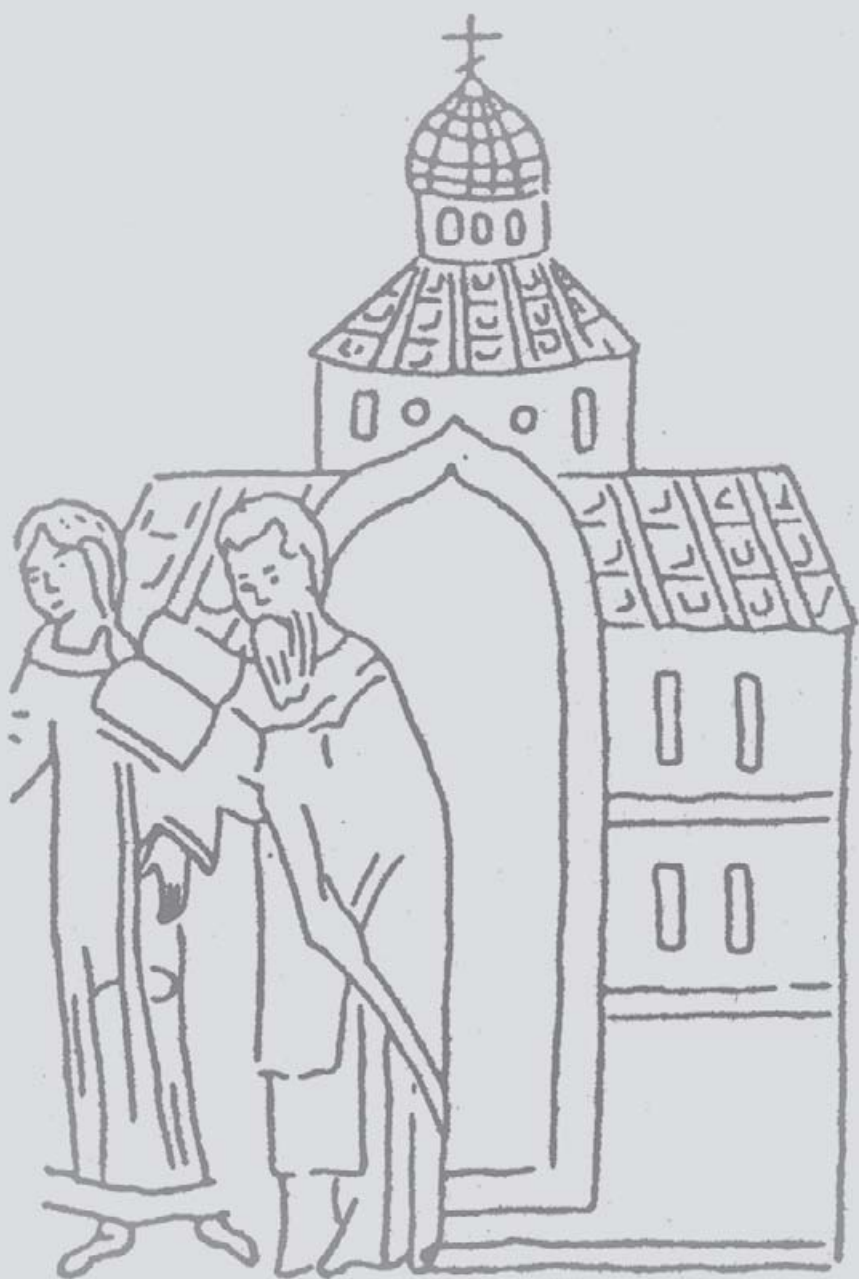
Основу настоящей книги составляет текст диссертации на соискание ученой степени доктора архитектуры, подготовленной в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства. Автор признателен Игорю Андреевичу Бондаренко, Алексею Серафимовичу Щенкову, Ирине Евгеньевне Гришиной за ценные советы и замечания, благодаря которым качество и содержание работы существенно улучшилось. Особую признательность автор выражает молодым исследователям деревянного зодчества – Александру Валерьевичу Бокарёву и Ирине Георгиевне Носковой, которые внимательно прочли работу, сделали важные замечания и подсказали многие ссылки на источники.

Примечания

- ¹ Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. Ч. 1: Деревянное зодчество. С. 18–21; Максимов П.Н. Особенности русского деревянного зодчества // История русской архитектуры. М., 1956. С. 111–117.
- ² Орфинский В.П. Народное деревянное зодчество в зонах этнических контактов на севере России // Архитектура мира. М., 1993. Вып. 2: Материалы конференции «Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре». С. 45–48.
- ³ Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.
- ⁴ Бодэ А.Б. Поэзия Русского Севера. Иллюстрированный обзор памятников деревянного зодчества. М., 2002.
- ⁵ Бодэ А.Б. Древние новгородские традиции в деревянном культовом зодчестве северо-западных областей России XVI–XVIII вв. // Архитектура в истории русской культуры. М., 2005. Вып. 6: Переломы эпох. С. 68–89.
- ⁶ Бодэ А.Б. Характерные особенности деревянного зодчества Поонежья XVII–XIX вв.: дис. ... канд. арх. М., 2005; *Он же*. Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005.
- ⁷ Орфинский В.П. Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI–XIX вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й Междунар. науч. конф., посв. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 17–23.
- ⁸ Орфинский В.П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 398.
- ⁹ Орфинский В.П., Гришина И.Е. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁰ Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997. С. 12–17.
- ¹¹ Миллер В.Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77.
- ¹² Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин. М., 1975. С. 20–22, 37–41.
- ¹³ Иванова Т.Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения – 95»: сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 82–91.

ГЛАВА I

СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЯХ



АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЕЙ

С начала принятия христианства на Руси кроме каменных храмов строилось немало и деревянных. В «Повести временных лет» говорится, что князь Владимир после крещения велел «рубить церкви» и ставить их на местах бывших языческих святилищ¹.

Археологические открытия, сделанные в разное время в древнерусских городах (Киев, Новгород, Старая Ладога, Старая Рязань и другие), ввели в научный оборот достаточно большой объем материала. Выявлено много сведений по древнерусским деревянным жилым постройкам². Что касается церковных зданий, то, во-первых, лишь немногие найденные остатки идентифицируются как церкви, а во-вторых, раскрытые планы всё равно оставляют неясным их объемное решение. Тем не менее в своей совокупности археологические находки остатков деревянных храмов дают кое-какую пищу для размышлений и позволяют сделать определенные выводы.

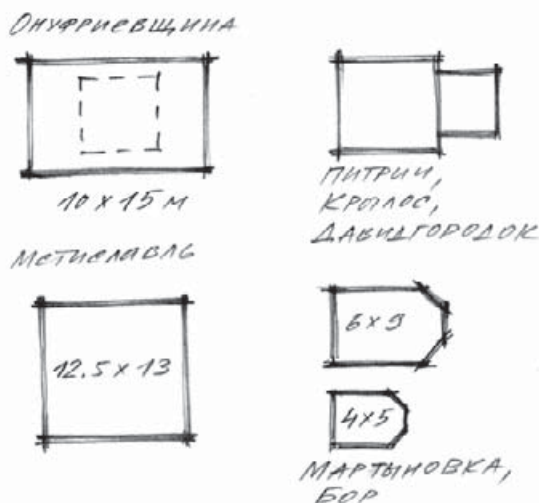
Обстоятельное обобщение археологических находок деревянных церквей домонгольского времени было сделано О.М. Иоаннисяном, работа которого учтена в настоящем исследовании. В большинстве случаев при обнаружении деревянных храмов ограничиваются лишь констатацией наличия деревянной постройки на исследуемом месте. Находка керамических плиток, из которых были устроены полы, и отсутствие при этом развалов камня или кирпича, из которого могли быть сделаны стены, свидетельствуют о том, что здесь было деревянное здание. Иногда обнаруживаются остатки фундаментов неглубокого заложения. Признаком существования деревянного храма являются и скопления захоронений при отсутствии следов каменной постройки³.

Значительная группа подобных мест существования деревянных церквей находится на юго-западных территориях Руси –

в бывшем Галицком и Волынском княжествах. Для этих мест, как отмечает О.М. Иоаннисян, было характерно устройство керамических полов не только в каменных, но и в деревянных постройках. Этот признак в сочетании с захоронениями и является главным свидетельством существования деревянной церкви, от которой ничего другого уже не сохранилось.

По развалам керамических плиток определены места деревянных церквей в городе-крепости Данилове Галицкой земли⁴. Аналогичные следы, в том числе в виде плиток с изображениями, были найдены в двух местах в Василёве на Днестре⁵. На городище Замчище в Василёве также обнаружены развалы плиток пола в сочетании с захоронениями, что убедительно интерпретируется как остаток деревянной церкви⁶. Такие же признаки существования деревянного храма были найдены в урочище Онуфриевщина в окрестностях Владимира-Волынского. Кладбище, долго функционировавшее на этом месте, и многократные раскопки стерли следы постройки, однако археологические исследования позволили предположить приблизительные размеры церкви: 10×15 м⁷. Предполагается, что деревянная постройка предшествовала каменной церкви Св. Николая середины XIII в. во Львове. Под фундаментами каменного храма обнаружены керамические плитки пола и захоронение⁸. Остатки керамического пола без признаков каменных стен, свидетельствующие о существовании здесь деревянного храма, найдены в урочище Побережье в окрестностях Галича. Такие же следы, но в сочетании с захоронениями, выявлены в урочищах Згуменка и Гоева гора в Звенигороде-Галицком⁹.

Два аналогичных объекта выделяются за пределами Галицкого и Волынского княжеств. Один из них – городище Медведь XII в. – находится на территории нынешней Тверской области (порубежье Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества). Развалы керамических плиток здесь были обнаружены в валах, при этом никаких следов каменных построек на городище не было вообще¹⁰. О.М. Иоаннисян предполагает, что керамический пол имела надвратная церковь, которая была расположена в башне. Появление приема, характерного для Юго-Западной



Формы планов древних деревянных церквей в Онуфриевщине, Мстиславле, Питриче, Крылосе, Давидгородке, Мартыновке, Бору по археологическим открытиям

Руси – устройства керамического пола, – объясняется политическим союзом Юрия Долгорукого и галицкого князя, который, видимо, сопровождался миграциями мастеров, привнесивших свои строительные традиции¹¹. Остатки другого деревянного храма в виде керамических плиток пола на известковой подготовке найдены в Белгороде¹².

Интересная находка была сделана в Ростове Великом под каменным Успенским собором XII–XVI вв. В слое со следами деревянного строительства и пожара была найдена дубовая курица от безгвоздевой кровли¹³. Очевидно, что она относилась к «великой дубовой церкви» 991 г., погибшей в 1160 г.¹⁴

Остатки пола деревянной церкви были найдены и под колокольной на Соборной площади в Ростове. Находка была атрибутирована О.М. Иоаннисяном как часть церкви Иоанна Предтечи, сгоревшей в 1211 г. Вместе с полом были обнаружены и захоронения в саркофагах¹⁵.

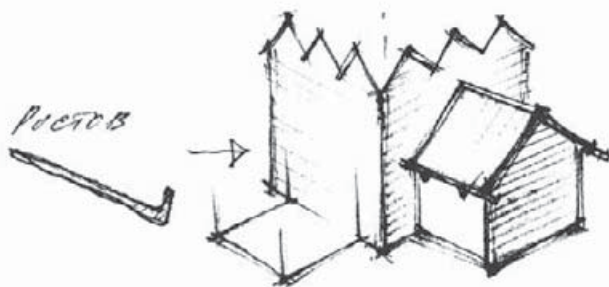
Частично сохранившиеся полы деревянного храма были найдены под остатками Георгиевской церкви 1219–1224 гг. на Прус-

ской улице в Новгороде. Это была цемяночная подготовка, на которой лежали каменные плиты¹⁶.

В ряде мест находки церковных предметов или колоколов при отсутствии следов каменных построек могут также свидетельствовать о наличии деревянного храма. Это городище Осовик Рогнединского района Брянской области и городища на Украине: у села Городище Хмельницкой области, Воинь Черкасской области, Городок Коростышевского района Житомирской области, Девич-гора Корсунь-Шевченковского района Черкасской области¹⁷.

Данная группа археологических находок, как видим, не дает почти никакой информации об устройстве обнаруженных зданий. Тем не менее на некоторых особенностях необходимо заострить внимание. Во-первых, выявленные размеры плана церкви в Онуфриевщине составляют 10×15 м. Основные срубы большинства церквей XVII–XVIII вв. в плане близки к квадрату со стороной примерно 7–8 м, что определяется средней длиной бревна. К ним обычно примыкает меньшей величины алтарь. На ряде древних церквей алтарь и молитвенное помещение объединялись в одном срубе. План 10×15 м достаточно компактен, и действительно многие наиболее старые деревянные церкви обладали подобными планами. Большинство относительно поздних храмов имеют более вытянутые планы. Если основу церкви в Онуфриевщине, допустим, составляли сруб молитвенного помещения, алтарь и притвор, то, для того чтобы вписаться в указанные габариты, постройка с трех сторон должна была опоясываться галереей.

Во-вторых, обнаруженная в Ростове курица свидетельствует о том, что на здании была прямоскатная крыша. Маловероятно, что двухскатное покрытие было использовано на основном объеме храма. Скорее всего, завершение «великой» церкви – главной в древнем городе – представляло собой какую-либо переработку форм каменных храмов. В таком случае прямоскатное покрытие, от которого осталась курица, было на притворе или на алтаре. Так или иначе, эта находка свидетельствует об основных различиях форм каменных и деревянных храмов. То, что в каменных



Курица деревянного собора 991 г. в Ростове свидетельствует о наличии прямоскатных кровель, которые, скорее всего, были на притворе

постройках покрывалось сводом, в дереве в соответствии с особенностями строительного материала покрывалось прямоскатной крышей.

О.М. Иоаннисян приводит еще ряд примеров археологических находок, дающих более конкретные данные об устройстве древнерусских деревянных храмов. Церковь в Давидгородке, судя по найденным остаткам, состояла из двух разновеликих прямоугольных срубов (алтарь и молитвенное помещение). В Минском Замчище трапезиевидная в плане постройка разными исследователями была интерпретирована как часовня или как церковь с галереей. Почти квадратное в плане здание в древнем Мстиславле убедительно идентифицировано как башня-донжон, верхняя часть которой представляла собой храм. Остатки сооружений, найденные в селище Мартыновка Заставницкого района Черновицкой области Украины и у деревни Бор Окуловского района Новгородской области, имеют шестиугольную форму плана (прямоугольник с двумя скошенными углами). Первое из них было церковью XII–XIII вв., второе – надмогильным сооружением или часовней. Другое надмогильное культовое сооружение, квадратное в плане, отличающееся значительными размерами, было раскопано в Василёве на Днестре. И наконец, два храма, состоящие из прямоугольного в плане основного сруба и такого же алтаря, были обнаружены в окрестностях древнего Галича, в селах Питрич и Крылос¹⁸.

Перечисленные находки показывают разнообразие размеров деревянных храмов – от совсем небольших до значительных, со стороны, достигавшей 13 м. Среди известных севернорусских церквей можно найти постройки с основным срубом близкой величины (Благовещенская церковь 1795 г. в селе Турчасово), хотя это надо признать редкостью. Большие срубы со стороной около 12 м обычно использовались для трапезных (церкви Иоанна Златоуста 1665 г. в селе Саунино, Никольская 1659 г. в селе Павловском, Покрово-Власьевская середины XVIII в. в селе Лядины и др.).

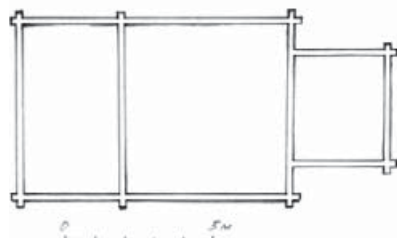
Деревянные церкви с прямоугольным (квадратным) в плане основным срубом и таким же меньшим по величине алтарным прирубом широко известны. Нельзя не отметить, что такой компактной формой плана обладают достаточно древние памятники (церкви Лазаревская второй половины XIV в. из Муромского монастыря, Успенская 1595 г. из села Курицко, Рождества Богородицы 1599 г. в деревне Лиственка). Прямоугольная форма алтаря показывает, что уже на самом раннем этапе развития деревянного зодчества формы, которые в каменных постройках изначально были скругленными, в дереве воспроизводились прямоугольными. Это наводит на мысль, что такие же изменения могли быть и в объеме. Подтверждением тому – курица ростовской церкви.

Вместе с тем в некоторых рассмотренных деревянных храмах мы обнаруживаем характерное для апсид каменных церквей скругление, выражающееся в пятигранном очертании восточной части сруба. Судя по известным постройкам, пятигранные алтарные прирубы распространились в русском деревянном зодчестве со второй половины XVII в. в связи с церковными реформами. Правда, мы почти не располагаем сведениями об архитектуре деревянных городских церквей, среди которых, возможно, и были постройки с пятистенными алтарями. Храмы с пятистенной восточной частью встречаются среди древних украинских церквей (например, церковь Святого Духа 1490-х гг. в Рогатинах)¹⁹. Археологические объекты убеждают нас в том, что этот прием использовался издревле.

Остановимся еще на нескольких примерах древнерусских деревянных храмов. План Пятницкой церкви в Звенигороде-

Галицком достаточно хорошо прочитывается по следам пола. Здание имело прямоугольный план размером $9,25 \times 6,6$ м с прямоугольным алтарем величиной $3,5 \times 5,1$ м. Предполагается, что удлиненный основной сруб был разделен перерубом, т.о есть состоял из молитвенного помещения и притвора. Форма и расположение плиток пола позволили сделать вывод о наличии омфалия в его рисунке. На этом основании было высказано предположение о том, что и верх здания был центрическим. Это было проиллюстрировано графической реконструкцией И.Р. Могитича, основанной на формах украинских церквей XVII–XVIII вв.²⁰ Согласился с этим предположением и П.А. Раппопорт, заключив, что на основании ряда косвенных данных можно говорить о том, что в древности были деревянные храмы, повторяющие формы каменных построек с куполом на световом барабане²¹.

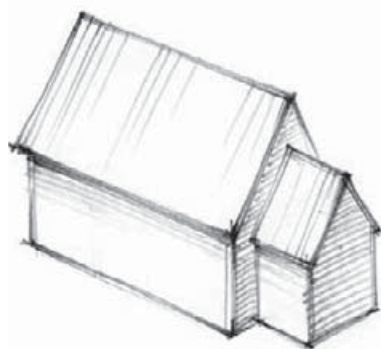
Выполненная реконструкция плана церкви в Звенигороде-Галицком, а именно двухчастная структура основного сруба, вызывает сомнения. Во-первых, потому, что на архе-



Пятницкая церковь в Звенигороде-Галицком.
Схема плана (по О.М. Иоаннисяну)



Пятницкая церковь в Звенигороде-Галицком.
Реконструкция И.Р. Могитича



Пятницкая церковь в Звенигороде-Галицком.
Реконструкция автора

ологическом плане не удастся провести линию предполагаемой внутренней стены, не перерезав находящиеся внутри церкви захоронения. Правда, захоронения могли возникнуть позже. Во-вторых, устройство равноширокого основного сруба и притвора (трапезной) – прием в русском деревянном зодчестве относительно поздний, относящийся к XVIII–XIX вв. Основные объемы деревянных храмов в плане приближены к квадрату, но наиболее старым памятникам свойственны пропорции, когда ширина молитвенного помещения превышает длину, и наоборот, наиболее поздним свойственны несколько вытянутые в длину молитвенные помещения²². Наиболее древние плановые решения представляют собой либо близкий к квадрату основной сруб с таким же алтарным прирубом, о чем уже упоминалось выше, либо основной сруб с двумя одинаковыми прирубами (церкви Георгиевская 1495 г. в селе Юковичи, Ребовского погоста XVI в., Иоанна Богослова 1678 г. в селе Богослов и другие).

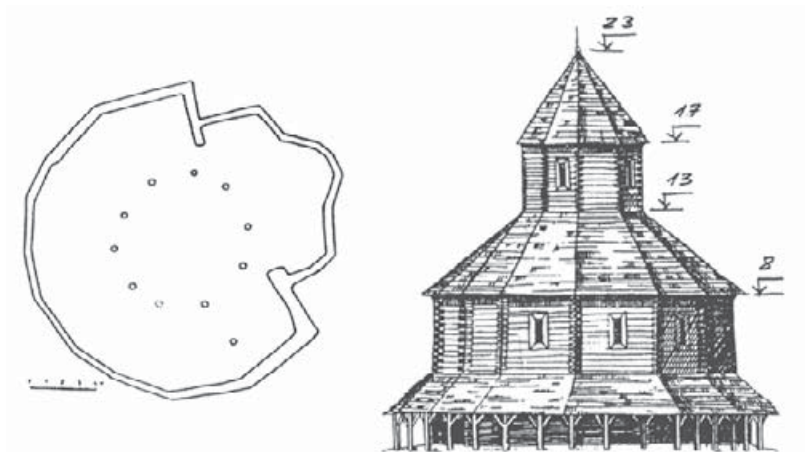
В деревянном зодчестве Украины также преобладают церкви с выделенным по ширине основным срубом (Николаевская 1665 г. в Гуснем, св. Юрия начала XVII в. в Драгобыче²³, Параскевы XVII в. в Сколе, Сошествия Святого Духа 1746 г. в Бoryне). Хотя, в отличие от русского деревянного зодчества, на Украине есть достаточно древние примеры удлиненных равношироких церковных срубов.

Таким образом, особенности выявленного плана Пятницкой церкви не соответствуют архаичным признакам русских деревянных церквей. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с иным типом церковного здания, в древности имевшим распространение на западных окраинах и не свойственным русскому деревянному зодчеству XVI–XVII вв. Основной сруб Пятницкой церкви мог не иметь переруба и, соответственно, центрического завершения, а представлять собой протяженный объем, покрытый коньковой крышей. Подобные решения нередко встречаются в деревянном зодчестве Закарпатья и восточноевропейских стран. Например, самая старая деревянная церковь Чехии, построенная в середине XV в. в городке Броумов, представляет собой именно такой протяженный объем под длинной скатной

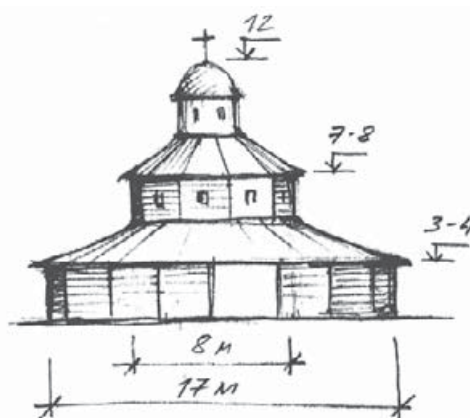
крышей²⁴. Примерно такие же формы имеют древнейшие деревянные церкви Украины – Никольская в Колодном, построенная, вероятно, в 1470-х гг.²⁵, Николаевская церковь XV–XVI, XVIII вв. в Средней Водяне²⁶.

Особый интерес представляют остатки храма-ротонды на городище Олешков Снятинского района Иваново-Франковской области²⁷. Очертания плана этой постройки прочитаны по неглубокому и неширокому фундаменту. Отсутствие развала камня и многогранная форма плана убедительно свидетельствуют о том, что это было деревянное здание. Восточная часть многогранника изломана и образует трехчастную апсиду. Внутри храма найдены следы десяти столбов-опор, расположенных по кругу. И.Р. Могитич выполнил графическую реконструкцию храма-ротонды, согласно которой это было довольно высокое срубное сооружение с ярусным завершением, предположительно окруженное еще и каркасной галереей²⁸.

Понимая всю гипотетичность объемной реконструкции здания, известного лишь по остаткам плана, всё же попытаемся, проанализировав возможное конструктивное устройство, предложить новую версию. На реконструкции И.Р. Могитича церковь показана полностью рубленой. Верхний ярус, поднимающийся над крышей на высоте 13 м, должен был держаться на внутренних столбах. При такой высоте сочетание каркаса и сруба маловероятно, так как усадка сруба нарушила бы все связи. Да и в интерьере трудно себе представить 13-метровые столбы, поставленные с частотой 2–3 м по кругу диаметром 8 м. Наружную стену И.Р. Могитич поднимает на высоту 8 м, однако в пользу того, что она не могла быть высокой, свидетельствует ее конструкция. Стена состояла из бревен, соединенных под очень тупым углом. Подобные соединения не могут обеспечить пространственную жесткость, и при нагрузке или даже под собственным весом стена неизбежно бы деформировалась. Поэтому обход между внутренними столбами и внешней стеной играл, скорее всего, роль галереи. В таком случае высоту внешней стены следует принять равной примерно 2,5 м. Если уклон крыши составит 25–30%, то высота внутренних столбов составит 7–8 м. Это нормальная дли-



Церковь-ротонда в городище Олешков. Схема плана и реконструкция по И.Р. Могитичу



Церковь-ротонда в городище Олешков.
Реконструкция автора

на бревна. Крыша галереи при этом должна быть стропильная, как это обычно и делалось. Стропила-связи обеспечили бы устойчивость многогранной стены и надежное соединение ее с внутренними столбами.

Верхнюю часть храма в Олешкове можно реконструировать, ориентируясь на некий обобщенный облик, а точнее — на силуэт древнерусского храма. Сомнительно, что ротонда диаметром 8 м была покрыта

единой шатровой крышей. Более вероятно, что в структуре завершения был еще один ярус, образно схожий с храмовой главой. Нечто подобное мы видим на рисунке из «Псковского устава» XII в.²⁹, на котором более подробно остановимся в следующем разделе. Пирамидальный силуэт с верхним ярусом-главой присущ и наиболее ранним храмам Киевского Полесья³⁰. Предло-

женная реконструкция храма-ротонды в Олешкове не менее гипотетична, но она представляется все же более достоверной с точки зрения строительной логики и особенностей материала – дерева.

Десять внутренних столбов, образующих основной объем олешковского храма, заставляют вспомнить аналоги. Основной сруб сохранившейся Воскресенской церкви 1630 г. в селе Важины отличается уникальной десятигранной формой плана. Можно предполагать, что аналогичной была и Знаменская церковь Тихвинского посада, известная по изображению 1979 г.

В этой связи необычайно интересна археологическая находка в Новгороде, на территории Детинца, на Владычном дворе. Там был обнаружен фрагмент многогранного сруба, относящегося к XIII в. Углы между сторонами указывают на то, что сруб был десятигранным. Назначение постройки точно не установлено, но предполагается, что это была церковь. Найденный фрагмент относится к восточной стороне сруба, и с уверенностью можно утверждать, что алтарного прируба не было. Между тем, как известно, в древности имели распространение деревянные храмы с молитвенным помещением и алтарем в едином срубе. В новгородской постройке не найдено церковных предметов или каких-либо иных археологических находок, указывающих на то, что это был храм. Последующие слои указывают на то, что постройка существовала недолго и потом на ее месте были поставлены жилые здания³¹.

Как бы то ни было, новгородская находка указывает на то, что в древности возводились «круглые» в плане деревянные постройки, хотя очевидно, что широкого распространения они не имели. Эта находка в какой-то мере связывает олешковскую ротонду с десятигранной церковью в Важинах. Местоположение крайне малочисленных известных объектов и наличие известных аналогов в камне наводит на мысль о том, что подобные «круглые» постройки свойственны западным территориям Руси. Говоря об архитектуре олешковской ротонды, П.А. Раппопорт констатировал в ней венгерские влияния, Галицкую землю в древности он вообще рассматривал как контактную зону взаимодействия русской и романской архитектуры³².